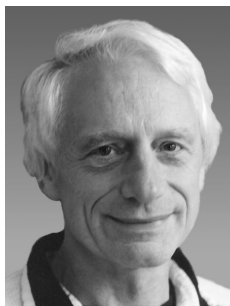

ЧЕЛОВЕК В ПОИСКАХ СМЫСЛА

А. ЛЭНГЛЕ

Альфريد Лэнгле (Alfried Längle) — австрийский психотерапевт, ученик и коллега Виктора Франкла, доктор медицины и психологии. Президент Международного общества экзистенциального анализа и логотерапии (GLE-International), генеральный секретарь правления международной федерации психотерапии IFP (International Federation of Psychotherapy), старейшего европейского психотерапевтического сообщества, одним из основателей и президентов которого был К.Г. Юнг.

Автор многочисленных работ по экзистенциальному анализу. Основная сфера профессиональных интересов — теория и методология экзистенциальной психотерапии.

Резюме

В статье описаны факты, касающиеся жизни, творчества и личности Виктора Франкла, одного из известнейших и крупнейших психологов XX в., основателя экзистенциальной психологии и логотерапии. Эти материалы дают возможность не только оценить научный вклад Франкла в психологию и психотерапию, но и представить и понять его как человека, обладавшего неповторимой, ему одному присущей совокупностью личностных особенностей и черт характера.

26 марта 2005 г. Виктору Е. Франклу, венскому неврологу и психиатру, основателю 3-й Венской школы психотерапии (после Фрейда и Адлера), исполнилось бы 100 лет. Жизнь В. Франкла трагически отмечена двумя с половиной годами пребывания в концентрационном лагере и потерей почти всей семьи при нацистском режиме в Германии. Психологический анализ пережитого, осуществленный Франклом в книге «...несмотря ни на что сказать жизни "Да"», сделал эту книгу одной из известнейших в мировой психологической литературе. Свою жизнь

Франкл в значительной степени посвятил преодолению редуционизма в психологии, психотерапии и медицине. Особенно много он размышлял над проблемой смысла, которую привнес в экзистенциальную психотерапию. Всемирно известной стала разработанная им техника «парадоксальной интенции».

Моменты биографии

Франкл был истинным венцем, он родился в Вене и любил свой родной город. Здесь он изучал медицину, а после войны получил степень доктора

психологии. Когда к власти пришли нацисты, он остался в Вене, отказавшись от выездной визы в Америку, предпочитая разделить судьбу своей семьи. После окончания войны при первой же возможности он вернулся в Вену и остался здесь навсегда. В течение 25 лет он руководил неврологическим отделением Венской поликлиники и умер в Вене 2 сентября 1997 г. Из Вены Франкл многократно выезжал в разные страны мира. С научными докладами он выступал в более чем двухстах зарубежных университетах, только в США он был более сотни раз.

Франкл потерял свою первую жену в концлагере. Вторую жену Элли, работавшую медсестрой в Венской поликлинике, он встретил после войны. У них родилась дочь, и потом появились двое внуков.

Приводя эти биографические сведения, мы хотели бы отдать должное памяти великого человека, который, создав логотерапию и экзистенциальный анализ, остался в истории основателем последней австрийской школы психотерапии. Франкл уже при жизни стал исторической фигурой. Он лично общался с виднейшими психотерапевтами, психологами, философами, среди которых З. Фрейд и А. Адлер, Р. Аллерс, Г. Оллпорт, Л. Бинсвангер, М. Бубер, Р. Кон, Дж. Экклз, М. Хайдеггер, К. Ясперс, Ф. Кункель, А. Маслоу, И. Морено, Ф. Перлз, К. Рагнер, К. Роджерс, Р. Шварц, И. Ялом, П. Вацлавик, И. Вольпе и др.

Личное предназначение Франкла

Кем же был Виктор Франкл? Попробуем взглянуть в мозаику эпи-

зодов его биографии, — возможно, они зададут контуры его портрета и позволят ощутить присутствие этого одаренного человека. Мы понимаем, что любое словесное описание не может заменить реальной встречи, но все же попробуем представить прошлое в надежде приблизиться к Франклу.

Начнем с общепринятого мнения о Франкле. На чем основывается его высокий авторитет и то уважение, с которым относятся к нему во всем мире?

В моем представлении, значимость Франкла имеет, прежде всего, два существенных основания. Одно из них — его непоколебимая вера в смысл, позволившая ему выжить. Франкл жил, несмотря на все потери и боль, каждый раз преодолевая возникающее отчаяние. Его «сказать жизни “Да”» обернулось для миллионов людей надеждой, добавило им мужества, дало ориентиры. Он сам был примером для многих и воплощал человеческое стремление противодействовать страданию без смысла, намереваясь с позиции гуманизма задействовать в этом величие человеческого духа. Обратиться к тем составляющим человека духовным силам, которые каждый носит в себе и на которых зиждется человеческое достоинство, и мобилизовать их — таково было величайшее, профессиональное устремление Франкла. То обстоятельство, что фундамент этого стремления составила его собственная биография, только сделало логотерапию для многих людей еще более убедительной.

Во Франкле меня также впечатляло его непринятие идеи коллективной вины. Особенно если учесть,

что подобную позицию занимал человек, потерявший в концлагере всю свою семью и едва выживший сам. Не только в послевоенный период, но и до конца своих дней Франкл предостерегал от объявления виновными всех, поскольку это могло вызвать лишь ответную ненависть и сыграть на руку неонацистам, что привело бы к откату назад. Напротив, Франкл считал, что важно дать возможность проявлению доброго и ценного в людях, важно им напомнить о человеческом в них, противостоящем ужасу и страху. Франкл искал добро, поскольку был глубоко убежден, что только добро будет зачтено. Возможно, это было следствием того глубочайшего впечатления, которое произвела на Франкла личность главного раввина Берлина Лео Баека, произнесшего в своей «Молитве о национальном примирении» в 1945 г. в концентрационном лагере: «...и только добро должно теперь цениться, а не зло». Только добро непреходяще, и только для добра стоит жить.

Добро содержит в себе подлинность, нетленность, будущее, оно ответственно и позитивно, и оно есть самый надежный фундамент для экзистенции. Это каждый раз отстаивал Франкл, с этим он обращался к людям, и воплощения этого он добивался. В своей приверженности добру Франкл полностью оставался самим собой. Он выступал против редуционизма как «врач, заботящийся о душе», обращаясь к религии и философии. Редуционизм, общепринятый тогда в психотерапии, принимал формы биологизма, психологизма и социологизма. В логотерапии Франкла ставился акцент не только на биологическом происхождении человека

и его психологических механизмах. У человека есть «духовное измерение» — измерение его свободы, ответственности, стремления к смыслу, которое он зачастую воспринимает смутно, отстраненно или вообще не замечает. Это низводит человека до уровня «гоминида», из-за чего у него не хватает сил на духовную защиту, а иногда и на выживание (таков опыт концлагеря). Франкл создавал логотерапию, чтобы противодействовать редуционистскому отрицанию главного в человеке и предотвращать возникновение душевного отчаяния.

Оба эти устремления Франкла, с которыми он жил, были восприняты и поняты широкой общественностью. Он соединил их в категории «смысл», понятной для жизненной практики даже на бытовом уровне. Жизнь Виктора Франкла — это «учение жизни». Она возвышается, как монумент, противостоящий бессмысленности. Трагическая страница жизни Франкла неожиданно приобрела свой особый смысл. Сказанное бывшим лагерным узником имеет вес. Этому человеку верят. Ему необходимо верить, потому что такому человеку невозможно возразить.

Франкл как деятель

Более близкое знакомство с Франклом, чтение его книг, присутствие на его выступлениях создают о нем впечатление как о человеке, обладавшем пронизательным умом, ясным мышлением, четкой определенностью понятий. Его деятельный дух сочетался с превосходной риторичностью, вызывающей внимание и мгновенно увлекающей. Весомость его речи заставляла задуматься,

твердость его голоса действовала убеждающе, жизненная сила в его жестах могла зажигать. Он всегда говорил свободно, не прячась за формулировками и не стесняя себя ими. Уже первые слова его лекций и докладов вызывали чувство, что здесь говорит Убежденный, Подлинный, Преодолевший, Великий. Когда его слушали, то слышали именно *его*.

В текстах Франкла ощущается любовь к ясным стилистическим формулировкам и блестящим словесным композициям. Его острый ум выражал себя иногда в преисполненной юмора, иногда в серьезной, но всегда в увлекательной манере. Франкл определял логотерапию как «учение о смысле, заменяющее его отсутствие» и говорил, что смысл должен быть найден, но не может быть выдуман. Такое заострение внимания способствует лучшему пониманию содержания. Его игра словами была не простыми вспышками остроумия. То, что подчас звучало так легко и просто, всегда было результатом тщательного процесса формулирования. В этом он не жалел себя.

Франкл был убежден в важности своего учения и в своей собственной миссии. Это помогло его учению стать официально признанным, но это вызвало также (особенно в Вене) определенную отстраненность и некоторую разочарованность в отношении его позиции. Убежденность Франкла в собственной значимости проявилась, в частности, в том, что он сравнивал свой научный вклад и вклад Фрейда. Ссылаясь (Frankl,

1986, S. 13) на ученика Фрейда Вильгельма Штекеля, сказавшего о себе и Фрейде, что карлик на плечах гиганта может видеть дальше и больше самого гиганта (Frankl, 1982, S. 10), Франкл также полагал себя видящим дальше Фрейда, и свое видение и понимание экзистенциальности он подкрепил тем, что к третьему «коперниканскому повороту» Фрейда (Frankl, 1991, S. 27) он добавил еще и свой, четвертый «коперниканский поворот»¹. Однако при всем своем самомнении Франкл со своей семьей вел достаточно простую и скромную жизнь.

Юмор Франкла

Еще одна особенность Франкла, которая ценится его слушателями и читателями, — это его остроумие. Он всегда умел быть остроумным, но самое большое удовольствие он получал от той игры слов и тех глубоких мыслей, которые точно воплощают или передают нужный смысл. По поводу этой своей особенности Франкл высказывается в автобиографии (Frankl, 1991, S. 18–22). Не было почти ни одного выступления, во время которого Франкл не заставил бы присутствующих смеяться. Его лекции о парадоксальности сознания были по большей части настоящими спектаклями, вызывавшими хохот у зала. Франкл не боялся вставлять анекдоты даже в свои книги. Пару из них я хотел бы для примера здесь воспроизвести, поскольку им они не были опубликованы.

¹Франкл писал, что, по Фрейду, нарциссизм человечества «трижды испытывал глубокий шок: первый раз из-за учения Коперника, второй раз — из-за теории Дарвина, а третий — из-за самого Фрейда» (Frankl, 1991, S. 127).

Первый анекдот, по его мнению, демонстрирует типично еврейское мышление. Еврей идет по Центральному парку в Нью-Йорке. Что-то мягкое вдруг падает ему на голову. Он додрагивается до этого и обнаруживает в руках птичий помет. Он сердито смотрит в небо и, пожимая плечами, грустно произносит: «А не для евреев они поют...» Его любимый анекдот касался скучных научных обсуждений. Маленький Макс со своим другом хотели кое-что выяснить у бабушки Макса. Собравшись с духом, они осторожно ее спрашивают: «Бабушка, расскажи нам, пожалуйста, как на свет появляются дети?» В ответ бабушка начала рассказывать про аиста. Переглянувшись с другом, Макс отводит его в сторону и говорит: «Скажи, мы сейчас должны ей все объяснить или пусть лучше так и умрет глупой?»

Франкл любил подобные вставки и сделал это для себя почти спортивным достижением: для каждой ситуации или обсуждаемой темы подобрать подходящий анекдот, передающий ее суть в юмористической форме. Для него это было одновременно рефлексией темы, работой с ней, взглядом на нее со стороны и привнесением в нее жизни. Франкл остроумно рассказывает и о себе: «Я постоянно находил подтверждение того, что при повторении страшных снов аспирин действует превосходно. Например, одно время я постоянно видел своего брата (он давно уже умер) тяжело больным и лежащим при смерти. В ужасе я все время просыпался. И в конце концов я принял таблетку аспирина. Что я могу вам сказать? В следующем сне мой брат был уже вполне здоров. Потом я увидел во сне, что моя жена мне изменяет. Это было уже слишком, и я

опять принял аспирин. Что я могу вам сказать? В следующем сне уже я изменил жене».

Франкл как личность

Если по какой-то чудесной случайности становились возможными более близкое знакомство, личная встреча с Франклом, то сквозь его остроумные и ироничные замечания на свой счет можно было вдруг ощутить (как из лесной чащи на поляну) его внутренне глубокую личность. У него было чуткое, отзывчивое, сочувствующее сердце, которое застенчиво и очень тщательно оберегалось. Оно проявлялось только в немногих ситуациях, отмеченных атмосферой безопасности и доброжелательности. Франкл сам писал о своей способности к состраданию (Frankl, 1991, S. 15) и о том, что он, в сущности, не помнил зла. Пример, показывающий неизвестного Франкла: из сочувствия к одной пациентке, страдающей миелитом, он в конце каждой недели поздно вечером приносил ей прямо в палату эдельвейс, который срывал во время своих занятий альпинизмом. Это был сердечный человек, вынужденный в проявлениях своих чувств быть осторожным, иначе его легко можно было задеть. Порой я сочувствовал ему, когда видел, как могут ранить его сердце чужая боль и страдание. Тогда он тотчас должен был что-то делать, чтобы дать облегчение своей душе. Но он не давал ей утешения, а, напротив, всегда пытался помочь другому в его страдании, помочь хотя бы чисто по-человечески.

Это глубокое соболезнование было основой его профессии врача. Он

испытывал величайшую боль, если ему приходилось наблюдать или даже если он полагал, что кто-то теряет либо надежду на перемену судьбы, либо веру в смысл и ценность жизни, т. е. если кому-то угрожала утрата чувства последней защищенности. Поэтому для него высочайшей целью было дать человеку утешение — не врачебное, не философское, но идущее напрямую от человека к человеку (ср., например: Frankl, 1979, S. 80f). Его стремление к утешению других оказывало воздействие и на самого Франкла — подчас настолько сильное, что в ряде ситуаций он терял чувство реальности и оказывался бессильным, наталкиваясь в ответ даже на бестактность. Деятельная, практическая помощь другим имела для Франкла высокую значимость, и при этом думать о себе ему было «внутренне глубоко неприемлемо» (Frankl, 1975, S. 108). Он стремился «себя не замечать, забыть», потерять из виду, чтобы остаться совершенно самим собой. Наверное, поэтому его автобиография столь повествовательна и по большей части состоит из наблюдений, описаний, размышлений и отдельных сюжетов. Но в ней почти нет его собственных чувств, мало субъективно пережитого, лаконично представлены личные взаимоотношения. Он охотно скрывался за своими размышлениями, предоставляя другим судить о себе.

Столь сильная выраженность сочувствия показывает, почему крас-

ной нитью через всю жизнь Франкла проходит тема человеческого противоборства страданию. Логотерапия — это методичная попытка преобразования страдания в нечто позитивное. Франкл обращался к негативному лишь тогда, когда в нем уже явно проступало позитивное или когда это позитивное можно было сделать видимым. В противном случае он предпочитал обходить конфликты, проблемы или чью-либо вину. Например², он говорил о национал-социалистическом прошлом Хайдеггера, но лишь для того, чтобы подчеркнуть его раскаяние, добавляя: «Разве гений не имеет права на ошибки и их признание перед всеми?» Он говорил об Эйхмане³, но только для иллюстрации того, как в подобном случае могло бы выглядеть преодоление им своей вины; он как бы давал Эйхману воображаемую возможность сделать доклад на тему «Как становятся Эйхманами». Из подобного события люди могли бы извлечь для себя определенный урок, а сам Эйхман получил бы возможность на этом отвратительном, преисполненном предупреждения примере увидеть себя со стороны. Точно так же он хотел бы, чтобы лагерный врач Менгеле наконец-то осознал свою неправоту и обратился к нему с вопросом: «Что бы вы сделали на моем месте, чтобы исправить содеянное мной?»

Я достаточно хорошо узнал Франкла, чтобы почувствовать его

²Франкл приводил эти примеры на занятиях образовательной группы Общества логотерапии и экзистенциального анализа в Вене и, кроме того, на Большом психотерапевтическом конгрессе 13 декабря 1990 г. в Анахайме, Калифорния, отвечая на вопросы двухтысячной аудитории.

³Адольф Эйхман — немец, оберштурмбанфюрер СС. Будучи руководителем департамента по делам евреев, выполнял принятое в 1941 г. «окончательное решение еврейского вопроса» — отправлял евреев в концентрационные лагеря.

глубочайшее страстное желание утешения и защищенности. Для него наличие смысла и подлинных ценностей всегда было возможностью обретения этой защищенности, а утешение всегда было благороднейшей задачей человека. Поэтому он так охотно цитировал надпись, которая по приказу кайзера Йозефа II была сделана над входом в только что построенную общедоступную больницу: «*Saluti et solatio aegrorum*» — «Исцелению и утешению больных».

Одиночество и утешение

Возможно, страстное желание защищенности было обусловлено его собственным одиночеством. В одиночестве он предпочитал принимать решения, даже если они касались жизни других людей. Свое решение остаться в Вене в 1942 г. он, наверное, принимал только наедине с собой и Богом. Никогда он не упоминал, что обсуждал свои решения с родителями или с любимой женщиной. Вообще диалоги давались ему довольно трудно. Благодаря выдающимся ораторским способностям он был незаурядным лектором и мог мгновенно превратить диалог в подобие монолога с комментариями собеседника. Было очевидно, что Франкл никогда не смог бы работать в команде. Разрыв с GLE⁴ был совершен именно в такой недиалогичной манере. Не было никакого предварительного диалога, не озвучивалось даже намерение начать его. Было согласовано лишь время дискуссии о назре-

вших проблемах, и за три недели до этого срока было отправлено лишь письменное уведомление. В ответ на предложение обменяться мнениями он, не затрагивая содержательных вопросов, сделал одностороннее устное заявление — никакого диалога не было и на этот раз.

Франкл предпочитал улаживать дела сам, как говорят, наедине с собой и со своим Богом. Опираясь на это, он еще в 1950 г. писал, что для внутреннего интимнейшего диалога с Богом необходим опыт одиночества: «...человек должен быть одинок, только тогда он сможет заметить, что он не один и никогда не был один» (Frankl, 1990, S. 370). В этом ощущается глубина его собственного одиночества, обеспечившая глубину его религиозности. Страстность Франкла оказалась плодотворной и для его личного верования, и для развития логотерапии. Логотерапия стала для него методом, который через утешение и поиск смысла выводит человека из состояния нигилизма, одиночества и отчаяния и ведет его ко все большей защищенности, а в конечном счете приводит человека к Богу. В этой связи Франкл (Frankl, 1990, S. 379) даже ссылаясь на народное изречение: «Беда учит молитве».

Эти глубинные и очень личные мотивы в сочетании с психологическими особенностями Франкла внесли значительное напряжение в его жизнь. У него, так сильно искавшего защищенности и утешения, возникала затрудненность в диалоге с другими

⁴С 1985 г. Франкл был почетным президентом Общества логотерапии и экзистенциального анализа в Вене (Gesellschaft für Logotherapie und Existenzanalyse), а в 1991 г. оставил эту должность.

людьми. Установление эмоциональных отношений с близкими родственниками превратилось в своеобразную духовную позицию уважения к ним, имевшую скорее компенсаторный нарциссический характер. В ответ Франкл также ожидал уважения в качестве замены чувств (по которым он очень тосковал). Как мне кажется, именно поэтому на одной плоскости находятся его стремление к исполнению долга, традиционная для него религиозность и его идеалистические взгляды.

Дистанцирование от эмоциональности имело свое отражение не только в его жизни, но и в его работе. Эмоциональность, этот ключевой момент современной психотерапии, не играет в логотерапии Франкла почти никакой роли. Наиболее известная его техника парадоксальной интенции, предназначенная для преодоления страхов, впервые в мире привнесла в психотерапию юмор. Здесь сказались уже описанная пристрастность Франкла к анекдотам. Но юмор здесь почему-то вызывает отчуждение и создает дистанцию.

Самодовольство Франкла могло делать его прямолинейным вплоть до бесчувственности. В доверительном общении он мог сказать человеку нечто неприятное и испытать при этом скрытую радость. Однажды он рассказал, как случайно встретил на улице девушку, с которой у него прежде были романтические отношения, и в разговоре с ней попытался узнать, не было ли у нее гонореи. Не без удовольствия он рассказывал также о том, что как-то раз, уже после свадьбы, заставил Тилли (первую жену) пойти с ним в подвенечном платье в книжный магазин, где на ви-

трине была выставлена книга с названием «Мы хотим пожениться»; на вопрос продавца к Тилли, чего бы она хотела, та, краснея, ответила: «Мы хотим пожениться».

Франклу было трудно говорить о других людях. Он не мог говорить о них плохо, и это также не давало ему возможности их критиковать. Свое неудовольствие он выражал тем, что не говорил им ничего хорошего. Отсутствие похвалы просто заменяло ему критику. Конечно, эта внешняя сдержанность скрывала многие конфликты и делала его позицию во взаимоотношениях неопределенной. Свою робость и страх приблизиться к человеку даже посредством критики он аргументированно объяснял тем, что ценит в человеке лишь доброе. Даже намек на чувство означал для Франкла сближение, а это было для него трудно. Франкл стеснялся говорить о чувствах, поэтому он с большей охотой говорил о своих размышлениях, поступках, достижениях, остроумных находках.

Свой профессиональный успех Франкл объяснял позицией, которой гордился,— в любом деле он скрупулезно следовал принципу: сначала самые малые дела делать с той же основательностью, что и великие, а потом можно великие дела делать с тем же спокойствием, что и малые (Frankl, 1991, S. 13f). Но этот принцип не стал рецептом окончательного благополучия. Франкл не был доволен своим стилем работы и очень на себя негодовал. Однажды я случайно застал его в подобной ситуации, и он дал при мне волю своим чувствам, а потом с легким юмором сказал: «Мой стиль работы делает невыносимыми такие дни, как этот.

Признаюсь вам, что, если бы я мог, я бы первал с собой».

Боязливость и смерть

Франкл был боязливым человеком, что находило отражение в его характере и сочеталось с типичной для него эмоциональной отстраненностью. Боязливость заставляла его быть скрупулезным до мелочности и иногда ипохондричным. Он особенно боялся оказаться виновным. Например, виновным в смерти своей первой жены Тилли (Frankl, 1991, S. 69) или в том, что пойдет против Бога, потому что «не сделал то, что должен и мог бы сделать» после ниспосланной ему милости на 50 лет пережить Аушвиц (Frankl, 1991, S. 102). Об этом он говорил папе Павлу VI во время аудиенции. Страх оказаться виновным терзал его и в связи со смертью отца. В концлагере он ввел отцу украденную для этого ампулу морфина, чем, возможно, на несколько часов сделал короче время его умирания — но ведь и жизнь тоже. Спустя 40 лет он очень серьезно, озабоченно и со страхом вины спрашивал меня (тогда еще начинающего врача): могло ли это с позиций современной медицины расцениваться как эвтаназия? Как я полагаю? Я смог его успокоить, сказав, что введение морфина при начинающемся отеке легких считается адекватной терапией, и с позиции медицины он обошелся грамотно со своим отцом, а по человеческим понятиям он облегчил отцу борьбу со смертью. Правда, потом я узнал, что через год он задавал тот же вопрос одному анестезиологу... Известно также, что для преодоления страха перед высотой Франкл — и в

этом его парадоксальная интенция — начал упражняться в скалолазании (Frankl, 1991, S. 277).

С обычным для себя остроумием Франкл пишет в неопубликованной рукописи о том, как он договорился со своим ипохондрическим страхом, сделав его положительным для себя: «Наверное, мне удалось пройти через все лишения благодаря толике искусства жизни. Я всегда рекомендовал другим поступать в соответствии с тем, что я сделал для себя принципом: если со мной что-нибудь случается, то я в своем воображении опускаюсь на колени и желаю себе, чтобы в будущем ничего неприятного со мной больше не случилось. Ведь существует не только иерархия ценного, но и иерархия никуда не годного. И в подобных случаях надо кое-что вспомнить. В лагере Тирезиенштадт в клозете я как-то прочитал написанное на стене: “Несмотря ни на что садись и радуйся любому дерьму”. Как минимум нужно видеть хорошее. Это обязательно должен делать тот, кто хочет освоить искусство жизни».

Франкл обычно мог добиться положительного превращения своих страхов или преодолеть их «упрямством силы духа». Но он не был чужд и суеверий.

Завершая разговор о боязливости, свойственной Франклу, можно еще сказать о глубоком безропотном смирении, которое он испытывал в отношении смерти. Он считал счастливым тот конец, когда кому-то удастся исполнить в своей жизни все и, как он однажды писал, получить смерть как награду. Но Франкл считал смерть тем неприятным, что предстоит испытать каждому и что в состоянии

притупить радость жизни. Хотя в своей теории он отводил смерти роль двигателя в поисках смысла (Frankl, 1982, S. 82), лично для него смерть оставалась тревожащей неопределенностью. Однако и этому последнему акту неизбежного ухода, предстоящего каждому, Франкл пытался дать положительную трактовку. В неопубликованных воспоминаниях о своей жизни он писал:

«Наверно, жаль, что жизнь начинается не со смерти, иначе самое ужасное не маячило бы впереди. С другой же стороны, смерть вовсе не есть самое ужасное, ведь это в конечном счете та стадия, после которой больше ничего не может быть неправильным...»

*Перевод с нем. Н.В. Талановой
Научный редактор — С.Н. Зайцев*

Литература

Frankl V. Interview mit V. Frankl // Fleckenstein K.H. Am Fenster der Welt. München: Neue Stadt, 1975.

Frankl V. Der unbewußte Gott. Psychotherapie und Religion. München: Kösel, 1979.

Frankl V. Autobiographische Skizze // Die Sinnfrage in der Psychotherapie. München: Piper, 1981. S. 143–172.

Frankl V. Ärztliche Seelsorge. Wien: Deuticke, 1982.

Frankl V. Diskussion mit V. Frankl // Längle A. (hrsg.) Der Wille zum Sinn. Wien: Tagungsbericht der Gesellschaft für Logotherapie und Existenzanalyse. 1986. 1. 1. S. 41–51.

Frankl V. Der leidende Mensch. Anthropologische Grundlagen der Psychotherapie. München: Piper, 1990.

Frankl V. Was nicht in meinen Büchern steht. Lebenserinnerungen. München: Quintessenz, 1991.

Основные работы В. Франкла

Frankl V. Der Mensch vor der Frage nach dem Sinn. Ein Lesebuch. München: Piper, 1985.

Frankl V. Psychotherapy and Existentialism. Selected Papers on Logotherapy. New York: Washington Square Press, 1985.

Frankl V. Die Psychotherapie in der Praxis. München: Piper, 1986.

Frankl V. Ärztliche Seelsorge. Grundlagen der Logotherapie und Existenzanalyse. Frankfurt: Fischer, 1987.

Frankl V. Der leidende Mensch. Anthropologische Grundlagen der Psychotherapie. München: Piper, 1990.

Frankl V. Die Sinnfrage in der Psychotherapie. München: Piper, 1992.

Frankl V. Logotherapie und Existenzanalyse. Texte aus sechs Jahrzehnten. Berlin: Quintessenz, 1994.